

Классическая литература и общество потребления

Классика превращается в набор звонких цитат на все случаи жизни. В результате получается эпико-философский портрет нашего великого прошлого, состоящий из набора фраз, стершихся от многократного употребления. Чтение классики становится ее дроблением на удобные речения.

В акте феноменологического анализа классических текстов, в том числе и Ф.М. Достоевского, подстерегает опасность их дробления на фрагменты директивного морализаторства. Когда исследователь делает звонкую цитату инструментом генерализации фактов и идей художественного мира, он намеренно или исподволь подвергает дискриминации целую систему повествовательной логики, что очевидно приводит к познавательной слепоте.

«Громкая цитата» относится к системным верованиям эпохи, социальному мифу, идеологической легенде. Она извлекает из хаоса элементы детерминизма, потребного для стройного и безальтернативного понимания текста. Цитата выполняет роль ограничителя интерпретационного движения. Делает неучтенными прочие многочисленные аспекты художественного мира, которые собственно и регулируют координацию действий персонажей и биографию идей.

Оправданием цитирования может служить апелляция к общим этическим тенденциям, наша ориентированность на оперирование самостоятельными парадигмами. При этом очевидно, что акт извлечения из текста мифологизированных речений освобождает их от познавательных достоинств, приводя к неизбежному обеднению исходные тексты.

Вырванные из текстов русских писателей громкие мысли обретают самостоятельность и позволяют прочитывать культуру в сжатом виде как аналоговую модель, состоящую моральных заявлений, устойчивых в той мере, в какой требуется цитирующему. Цитата становится парадигмой, эталоном истинности, затрудняющей гностическую процедуру чтения. Догматизм мифологизированных цитат пресекает вероятность новых прочтений. Насильственное навязывание моральных кодов препятствует появлению новых философских интерпретаций и обобщений. Другой ущерб от акта подобной мифологизации связан с постановкой ошибочных диагнозов, как правило, примитивизирующих априорную сложность исследуемого материала.

Мысль о «слезинке ребенка», к примеру, - производная философского диагноза мира – освобождаясь от контекста, обретает кумулятивную мощь, но при всем своем новообретенном пафосе делается эмпирически избыточной.

Наше доверие цитате цензурирует вероятностные возможности нового комментария. Громкое речение маячит в качестве высоты, обзриваемой ото всюду, которую, однако, не следует покорять в виду ее неприступности.